Надежда Нелидова

ЛОВЕЦ БАБОЧЕК

Надежда Нелидова

Ловец бабочек

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Ловец бабочек / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966833-2

Передо мной шевелилось большое живое тело. Я в недоумении ходил вокруг, как лилипут вокруг связанного Гулливера. Я чётко усвоил одно: ЭТО нельзя выпускать живым. Но и держать долго тоже нельзя. А что с ЭТИМ делать? Зачем-то же я ЭТО поймал и связал. Надо что-то предпринимать, действовать как-то.

ISBN 978-5-44-966833-2

© Нелидова Н.
© Издательские решения

Содержание

ЛОВЕЦ БАБОЧЕК 6
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Ловец бабочек

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6833-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛОВЕЦ БАБОЧЕК

Я – расклейщик и обдирщик объявлений в одном лице. Тот случай, когда правая рука не ведает, что творит левая.

По природе я неисправимая, застарелая сова. Сова в квадрате, сова в кубе. Сова по призванию: самозабвенная, самоотверженная, восторженная, страстная, беззаветная. А вот с некоторых пор заделался жаворонком, ранней пташкой. И прикиньте, это здорово вставляет.

Ранним утром велосипедные шины беззвучно катятся по тёмному от росы, будто пропитанному ею, мягко пружинящему асфальту. Нагревшийся за вчерашний день и тёплую ночь асфальт слегка парит в утренней свежести. В тумане не видно колёс, и плывёшь, как ангел, не касаясь земли.

Спит город. Даже бомжи ещё не занялись своим тихим безобидным бутылочным промыслом. Спят парки и улицы, спят дома, в них спят люди. Когда люди спят – они все такие милые, трогательные, тёплые и беззащитные, как щенята. Утыкаются носами в подушку, сучат ногами и постанывают во сне.

Кротко, неслышно сопят носопырками законопослушные граждане. Мирно похрапывают бандиты-рецидивисты, хулиганы и матерщинники.

Я всегда внутренне болезненно сжимаюсь, когда прохожу мимо мужчин, числом больше одного. Обычно от них ничего хорошего не жди, если их собирается числом больше одного. Мои уши заранее делают стойку в ожидании мата – его в любой миг можно ждать от мужчин, в количестве больше одного.

Чем группа мужчин больше – тем больше вероятность скверных поступков и слов. Я не выношу скверных слов: моя аура от них продырявливается, как дуршлаг – двадцатимиллиметровым гвоздём.

Одинокий человек всегда лучше и чище, чем бредущие стадом. Поэтому я люблю одиноких людей. Ещё люблю женщин: они редко ругаются. А если ругаются, то дрянные слова из их мягких губ вырываются неловко, неуклюже, будто у начинающего курильщика – неумело, криво пускаемые изо рта колечки дыма. Так малые дети подражают взрослым, не ведая, что творят.

На велосипедном багажнике прикреплена грязноватая пластиковая коробка. В коробке два отделения. В одном резиновые перчатки, кисти, бутылка с клеем, ветошка, пачка свежих объявлений. Есть яркие глянцевые, есть простые чёрно-белые. А есть и на тетрадных разлинованных страничках, написанные от руки.

Во втором отделении коробки – скребки, щётки, лопаточки, баллончики с аэрозолями, лезвия, ножи и ножички, проволочные мочалки и рулончики наждачной бумаги.

– Молодой человек! Вы, вы, из очереди! Я вас заприметил, каждую неделю тут пасётесь. Не везёт с работёнкой?

– Не везёт.

– Да… С работой нынче туговатенько. Вон на заводе ещё два цеха закрывают. Пятьсот человечков – пинком за ворота… У вас ведь нет специальности? Охранником в «Магнит» не пробовали?

– У меня физическая подготовка не соответствует, – вежливо и доверчиво объяснил я приставучему лысому дядечке из очереди – как позже выяснилось, вербовщику. У него даже подбородок был круглым и лысым. А рот – женский, какие показывают в довоенных кино: сжатый в яркую крошечную розовую точку.

Ему явно что-то от меня требовалось. Он явно хотел мне предложить какую-то работу. Но явно стрёмную, от которой отказались все предыдущие кандидаты.

– Личный транспорт имеется?

– Имеется.

У перил биржи труда, замкнутый на кодовый замочек, стоял мой громоздкий и облезлый велосипед «Урал». На нём ещё отец ездил на дачу, возил оттуда огородные дары.

– Такое дело, молодой человек, – лысый свойски тряхнул моё плечо. – Имеется редкая, я бы сказал, экзотическая вакансия: обдирщик объявлений. Муниципалитет, понимаешь, выделяет денежку: красит, меняет входные двери в подъездах, ставит новые павильоны, киоски, заборы. Делает любимый город краше. А несознательные граждане гадят: по свежей краске клеят свои бумажки с объявлениями. Хотя на то имеются бесплатные газетки и специально отведённые рекламные щиты и стенды. Приучать людей к цивилизации, к порядку – это благородное занятие. Помните у Маяковского, кгхм… «Я ассенизатор и водовоз…»

Я запросил зарплату за благородное занятие.

– …График свободный: хочешь в ночь, хочешь в день, – будто не расслышав мой вопрос, жизнерадостно продолжал забалтывать меня и по-бабьи мять моё плечо дядечка-вербовщик. Из чего я сделал вывод, что зарплата тоже будет стрёмная. – …На свежем воздухе, лёгкая физическая нагрузочка. Не работка, а курорт. Санаторий. За такую работку ты ещё нам доплачивать должен, – пошутил он и погрозил мне пальцем. Открыл розовый безусый рот и заржал. Я тоже с готовностью засмеялся. У меня не было выбора, и я должен был понравиться работодателю.

Зарплата оказалась действительно отстойной. Но главное, бабка перестала долбить, что сижу за компьютером целыми сутками. А то примется ныть: «Бу-бу-бу… Бу-бу-бу».

Я у неё в долгу не остаюсь:

– Бабка, ты снова шарила в моём столе? Ведь добром предупреждал: ручонки поотрываю!

– Иде это я шарила?! – отбивается струсившая бабка. – Рази тутака пыль тряпочкой оммахнула…

– Иди тутака себя тряпочкой от пыли обмахни! А это?! – я тычу ей в лицо диск с неопровержимой уликой: жирным отпечатком пальца. Даже могу определить по слабому запаху, что жир бараний. Его бабка добавляет «для скуса» в свои пресные пироги с капустой.

Звонко, не больно щёлкаю бабку по её костистому холодному, неживому носику. Разворачиваю за сухонькие невесомые плечи и придаю лёгкий импульс коленкой под тощий зад. Мы с бабкой любим друг друга.

Её пенсии нам на двоих вполне хватает. Я не привередлив в еде и одежде. Доширак, быстрорастворимый суп в пакетиках, эрзац кофе. Бабкины пироги с капустой.

Серые брюки и любимую тёмную рубашку с мелкими белыми пуговичками стираю сам раз в неделю. Рубашку отглаживаю до твёрдости доски и застёгиваюсь до горла.

…Я прислоняю велик к остановке или к забору. Не снимая наушников, пританцовываю под «Chord feat Undina». Натягиваю яркие цыплячьи перчатки и обильно смачиваю приклеенные бумажки с объявлениями, прыская аэрозолем.

Объявлений много: вся некогда голубая стена (кстати, почему у нас любят красить всё в голубой цвет?) облеплена ими. Чего тут только нет. Пицца и суши круглосуточно, муж на час, химчистка ковров, наращивание ресниц, тамада на свадьбу, котята в добрые руки, груминг… Нужно посмотреть в Википедии, что за груминг такой…

Пока закончу, первые листки уже отмокли и мягко, как шкурка, одним взмахом оползают под скребком. Сметаю щёткой грязные мокрые кучки в совок и отправляю в урну.

Остаются бугорки высохшего клея – или пластилина, или оконной замазки, или жвачки, или садового вара, или ещё чего-нибудь липучего – фантазия граждан неисчерпаема. Бугорки

приходится поддевать ножом. Не поддаются – скоблю ножом. Со скотчем, которым крепят объявления – легче, но остаются следы, похожие на засохшую слюну.

Для них у меня имеется флакон с китайским зельем. Мой вербовщик – он же дворников начальник и метёлок бригадир – Викентьич таинственно сказал, что это средство не сертифицировано. Даже формула его неизвестна. Но удаляет трудно выводимые пятна – зверь! По виду прозрачная вода: ни цвета, ни запаха. Викентьич предупредил, чтобы я при работе берёг глаза и руки. И держал язык за зубами, особо не распространялся.

Ну, вот и ладушки! Я отхожу, по-петушиному склоняя голову, любуюсь на чистенькую отмытую стенку. Фоткаю её с мобильника в трёх ракурсах. Это отчёт о проделанной работе, который я предъявлю Викентьичу. Отбиваю степ под «Luis bert man».

Потом открываю второй отдел коробки. Деловито вынимаю стопу объявлений, обмакиваю кисточку в клей. И… принимаюсь их клеить на стену, которую только что отчищал.

Месяц назад, когда я только приступил к работе, сзади притормозил чёрный, тягуче-блестящий, как капля смолы, джип. Ничего такая капля, величиной с автобус. Неужели хозяева чёрных джипов не понимают, что их авто похожи на гробы на колёсиках? Или на катафалки? Медленно раздвинулись бархатные траурные шторочки… То есть плавно опустилось густо тонированное стекло.

– Э, малой! Побазарим?

Я рефлекторно съёжился, втянул голову в плечи. От этих ребят, числом больше одного, хорошего не жди. В руке я держал цветную растерзанную тряпочку, с которой стекала вода. В тряпочку превратился яркий глянцевый плакат с полуголыми девочками, рекламирующими автомойку. Задорно оттопыривая наливные попки, они до блеска облизывали язычками шикарное авто. Заманчиво подмигивали: дескать, можем и не только… Скорее всего, это был баннер, принадлежащий ребятам из джипа – и я его содрал?!

– Бить будете? – правдоподобно пролепетал я.

Водила и трое пассажиров салона одобрительно захохотали.

– А ты, малой, с юмором. Слушай сюда, без базара. Ты ведь всяко-разно по точкам хиляешь. Держи, заодно и объявы поклеишь.

Мне сунули рулон плакатов, ещё что-то добавили в ладошку – и, подняв тонировку, исчезли: вот только были – и нету. Аки нечистая сила… Я разжал руку: ого! Половина месячной зарплаты от Викентьича.

Те, из джипа, не одни оказались такими умными. Скоро моими услугами тайного расклейщика вовсю пользовались владельцы дискотек и шиномонтажей, продавцы шуб, приёмщики женских волос, скупщики антиквариата, а также бабульки, сдающие квартиры на ночь и на час…

И даже Викентьич однажды, пряча глаза, пробормотал-попросил срочно поклеить на только что отдраенные мной двери подъездов объявления о собрании жильцов. А после и вовсе вошёл во вкус, и то и дело совал пачки бумажек: выборы, отключение света и воды, предупреждения о сосульках и выгуливании собак без поводков…

– Ты клея не жалей. У меня его на складе – вёдрами носи… – поощрял он.

Можно ли сравнить мой труд с Сизифовым? Но ведь бедняга Сизиф трудился за идею, а я за вознаграждение.

Июньские утренние сумерки. Ещё даже воробьи не завозились в своих воробьиных постельках. Под колёсами прибитый росой тяжёлый песок. Конечная остановка на окраине города.

Я встряхиваю и натягиваю перчатки – они разрывают тишину скрипом и треском. Окидываю взглядом фронт работ. Сегодня это намертво, профессионально приклеенные афиши о гастролях поп-звезды и цирка с дрессированными обезьянами и питонами. Под утренним

ветерком шевелит язычками бумажное бахромчатое обрамление. Это мелкие частные объявления – но с ними и мороки больше.

Я включаю «First State Feat Fenja» и принимаюсь за дело. И тут вижу торчащие из травы ноги. Женские ноги в полуспущенных коричневых хэбэшных чулках и почему-то в мужских стоптанных башмаках. И я сразу понимаю, что женщина мертва.

Мёртвых сразу можно узнать: они лежат особенно плоско, вдавлено. Их как будто даже присыпало землёй. Потому что процесс превращения человека в землю начинается сразу после его смерти. И как будто сквозь них уже проросла трава.

Трава на фоне неподвижного тела казалась подчёркнуто живой: шевелилась, гнулась под свежим ветерком, с любопытством гладила и трогала мёртвое лицо. Шаловливо играла с грязными белокурыми волосами женщины – я сразу понял, что она бомжиха. Ветерок толкал её, приглашая пробудиться и присоединиться к игре.

Месяц я ходил к ментам как на работу. У них же как принято? Подозреваемый первой очереди – главный свидетель. Если со свидетелем обломится – круг причастных к убийству расширится до знакомых и родственников. Если и тут не выгорит – просто тычут в клаву, задумчиво насвистывают. Листают «чёрную» базу микрорайона, перебирают бедолаг с подходящей статьёй.

Всё зависит от нависшего над кнопками жёлтого прокуренного пальца с грязноватым ногтём – как от перста судьбы.

Я сидел в коридоре. И услышал, как в кабинете один сыщик брезгливо сказал другому:

– Да забей (он сказал другое слово, от которого я вздрогнул и болезненно поморщился) ты на него. Это же человеческий шлак. Он же собственную тень увидит – обдрищется!

Каждое слово перемежалось матом, обильности и виртуозности которого позавидовали бы старожилы тюремных камер. У моего астрального дуршлага просто напрочь вынесло дно.

Викентьич меня каждый раз встречал, как сына родного. Потому что во время моего отсутствия граждане, воспрянув духом, оттягивались и свинячили по полной. Облепляли листовками даже столбики. И я с воодушевлением, соскучившимися по работе руками сдирал объявления. После чего не менее усердно клеил новые.

«*Помогите следствию! Обнаружено неопознанное женское тело. Перед смертью подверглось насилию в извращённой форме… Волосы светлые, на вид 30—35 лет…*» С мутной серой распечатки на меня одним подпухшим глазом смотрело изуродованное лицо маленькой бомжихи.

В первое время я пропускал по графику ***ту*** конечную остановку. Жутковато было: мало ли что. Говорят же, убийц всегда тянет на место преступления.

Тянул до последнего, пока какая-то вредная старушонка из ближнего дачного общества не пожаловалась, что у них не остановка, а хлев. Объявления лепят уже даже на хлебный мякиш и на слюни.

…Место, где лежала маленькая бомжиха, до сих пор хранило форму тела. В выемке примятая трава не распрямлялась, а хирела, бледнела и жухла. И новая не росла, точно земля в этом месте была отравлена.

Окончив работу, я долго смотрел на эту округлую выемку. Потом зачем-то сел туда, прикладывая тут и там ладони к земле. А потом и вовсе растянулся, чувствуя влажный земляной холод и щекотание травинок.

Так же щекотали моё лицо мягкие белокурые волосы маленькой бомжихи. Я их гладил, целовал. Говорят, женские волосы пахнут всяким-разным. Ничем они не пахли – волосами, и всё.

Потом пытался разжать поднятые стиснутые, тёплые круглые коленки под старушечьей юбкой. Она не сопротивлялась, потому что набралась в хлам. Наверно, поэтому у меня ничего не вышло, только брюки вызеленил. И ещё потому, что это, как ни крутите, была первая женщина в моей жизни.

Когда я встал и застегнул штаны, она безмятежно спала. Оставлять этот подарок судьбы было непозволительной роскошью. Огляделся: никого. А кому в четыре утра нужны автобусы?

И увлечённо, как ребёнок, исследующий внутренности сломанной машинки, я принялся восполнять пробелы в физиологии женского тела. Тело было мяконькое, восхитительное, упругое как мячик. А внутри – тёплое, скользкое, липкое и остро пахло килькой в томате.

Ей стало больно, и она вскрикнула, завозилась и грязно выбранилась. Это так не шло к её мягкому лицу и белокурым локонам. Я разозлился и изо всех сил ударил её по лицу.

Потом вытащил из коробки, отделения №1, флакон с зельем. Она зачмокала и присосалась к нему, как младенец к мамкиной груди. В ту же минуту из её рта раздались всхлип, чавканье и бульканье, с шипением потекли пена и грязь. Я задрал и натянул на лицо подол её платьишка, чтобы не видеть пузырящегося, мокрого, багрово-чёрного…

Я просто хотел продолжить анатомические исследования, чтобы ничто мне не мешало. У меня тянуще, приятно ныло и сжималось в низу живота. Так бывало, когда я, запершись от бабки, смотрел порнушку. То, что набухало и росло в брюках, требовало, чтобы я продолжил начатое.

Вы в детстве играли в инквизицию? Отрывали у жука лапки? Жгли муху под увеличительным стеклом? Резали дождевого червяка осколком бутылочного стекла? И чувствовали при этом странное, преступное возбуждение и удовольствие? И что, вы считались после этого особенным ребёнком?

Бабка рассказывала, что маленьким я любил смотреть по телевизору передачи о животных. Но не все, а те, где кто-то кого-то ел. Я бросал свои игрушки и подходил близко к экрану, чтобы рассмотреть. Нет – не хищника: его приёмы были примитивны, объяснимы и скучны. Меня завораживало поведение жертвы.

Наблюдал, как мучительно и беспомощно дрожали и вытягивались ноги антилопы, в которую с аппетитом вгрызались львы – или лягушки, которую частями заглатывала змея. Как закатывались и мутнели в предсмертной истоме глаза.

– Ах, стервёныш! – смеялась мама. Она сидела на коленках у кавалера. Указывала бутылкой на экран и изумлялась заплетающимся языком: «Нашёл, чё смотреть. А ну, брысь отсюда!»

Помню, один ухажёр приволок старый компьютер, мама тогда ужасно бранилась. От её брани я в соседней комнате зажимал руками уши и колотился головой о стену, чтобы выколотить ужасные слова.

Я довольно быстро научился вставлять в компьютер диск и нажимать «паузу», останавливая нужный кадр. И уже ничто не мешало мне, затаив дыхание, во всех подробностях жадно рассматривать момент смерти. А потом возвращать и повторять смерть снова и снова. Мальчишки, ну кто из вас этого не делал?!

Подростком я полюбил пасмурную погоду. Если светило солнце и безжалостно, пронзительно синело небо, и люди говорили громко и возбуждённо – мною овладевала необъяснимая тревога, тягостное беспокойство и раздражение. Как будто некто стоял за моей спиной, и я должен был что-то немедленно предпринять: куда-то бежать, что-то делать.

Помните конечные кадры «Сонной лощины»? Там земля расцвечивалась всеми красками, небо прояснялось и деревья покрывались цветами. А я испытывал досаду, тоску, злобу. Я готов был разбить кулаком экран вдребезги. Мне хотелось, чтобы снова всё покрылось мраком. Чтобы свистел ветер и гнал тучи, деревья высохли и скорчились, а люди уютно прятались в стенах церкви и тряслись от страха.

Зато забавно было смотреть фильмы, в которых экзорцисты изгоняли дьявола из одержимых. Зло со свистом и завыванием, вихрем покидало тело жертвы и вылетало куда-нибудь в окошко. Если бы это было так легко – да только Зло никогда не уходит из человека насовсем.

Гораздо интереснее было смотреть про маньяков с их навеки сумрачным рассудком. Вот уж кто был истинным исчадьем ада, живым воплощением дьявола на земле.

Скажете, среди вас нет маньяков? Ну-ну. А я уверяю, что в каждом человеке живёт маньяк: эмбрион маньяка, маньяк в зародыше, маньяк в зачаточном состоянии.

Когда в ваши окна бьётся ветер и на улице трещит мороз, а вы лежите в тёплой мягкой постели – вам уютно и приятно. Но если вы вообразите, что кто-то в это самое время мучается от холода – при этом контрасте ваше ощущение тепла и уюта намного обострятся, правда? И это пробивается слабенький росток маньяка.

Когда мать исступлённо шлёпает малыша, и ему уже не хватает воздуха для плача… А она входит в раж и не может остановиться… И, ужаснувшись содеянному, хватает ребёнка и жадно, жадно обнимает, тискает и целует солёную от слёз пухлую щёчку, плача вместе с ним и бормоча о прощении… Тогда в ней тоже поднимает голову готовый вылупиться маньяк: маленький такой, усипусенький маньячоныш.

Бабка била маму. Мама била меня. Люди – это переплетение сообщающихся сосудов зла. Как-то в очередной раз, исколотив меня до посинения, до икоты – мама очнулась, повела глазами, приходя в себя…

Помню, мы очутились на лугу, покрытом цветами. Я с глазёнками, полными слёз, всё еще всхлипывал от сладкой обиды, прерывисто вздыхал, содрогаясь всем тельцем. Вокруг было море цветов. Вдруг случилось необъяснимое, поразительное: все цветы разом вспорхнули и затанцевали, и закружились вокруг, щекоча лепестками моё лицо.

– Мама, цветы ожили! Живые цветы!

– Вот балда, это бабочки. Бабочек не видел?

Машка шла под дождём, в ботинках давно квакали лягушата. Машка с завистью посматривала на встречных девчонок в модных ярких резиновых сапожках на каблучках. У одной ваще прозрачные, и каблучки будто стеклянные – офигеть! Год воли не видала – а как изменилась мода!

Машка только вышла с биржи труда. Ископаемая тётка, с бараньей «химией» на голове, взяла Машкины документы и фыркнула:

– Нормальным-то негде работать, – и крикнула кому-то в соседнюю комнату: – Соображают, нет, кто амнистию объявляют? Ни жилья, ни работы – пинком с зоны в свободное плавание! На шею трудящимся. Только в обществе обстановку нагнетают. Социальную напряжённость усиливают. Статистику по преступности портят.

Тётка была, типа, шибко грамотная. Она покопалась в своём компьютере. Сунула направление: уборщицей в магазин – да и то, если хозяин согласится. Машка, только вышла с биржи – это направление скатала в тугой шарик и щелчком отправила в лужу. В свободное плавание. Чё, её на помойке нашли – грязной тряпкой по полу возить?!

В данный момент Машку гнели две прямо противоположные проблемы. Она хотела кушать и хотела по большому в туалет. Но кушать всё-таки хотела больше.

На карточке у неё была небольшая сумма. Но Машка, как хомячок – зёрнышки за щёчкой, придерживала деньги для более достойного применения, не собиралась тратить их на такую ерунду.

Зашла в первый попавшийся супермаркет, встала в уголке, чтобы не напрягать охранника. Рядом была секция шкафчиков-ячеек для сумок.

Подходили женщины и запирали в них свою поклажу. Машка делала вид, что увлечённо рассматривает табачную витрину, а сама одним глазком косилась на пакеты. У одной сквозь

прозрачный пластик просвечивал круг колбасы, сырный брикет, батон, связка бананов. Самая дичь. Женщина оставила всё в шкафчике под номером «13» и скрылась в торговом зале.

Машка помотала головой, будто стряхивая дождевые капли. Из волос выпала заколка. Вскрыть болтающуюся на соплях хлипкую дверцу – дело одной секунды. А не оставляй продукты в ячейке под номером «13»!

С аппетитом пообедала на мокрой скамейке в парке. Проблема №2 заявила о себе с утроенной силой. Тут бы и можно было сделать дела в кустиках. Но подтирать попу сырым лопухом – удовольствие ниже среднего.

Поплелась, куда глаза глядят. Ноги принесли к ближайшему отделению банка. Девушка Машкиных лет в беленькой блузке, узкой тёмной юбочке, с бриллиантиками в ушках – на вошедшую посмотрела подозрительно, но ничего не сказала. Машке-то бы подошёл такой клёвый костюмчик в облипочку. Не говоря о бриллиантиках…

«Талон номер К 208, третье окно», – сказал автоматический женский голос. Электронная очередь. Ну вот, и вторая проблема решена. Машка подошла к терминалу, понажимала кнопки наугад. На ладонь один за другим выползли тёплые гладкие талоны с номерками. Как раз величиной с ладошку: штук пять хватит. Вот тебе и халявная туалетная бумага. Девушка с любопытством смотрела на Машкины манипуляции и на дождевую лужицу, которая натекла из Машки у терминала. Брезгливо пожала плечиком. Пожимай, пожимай: не твоим средним умишком кумекать, что к чему.

Машка с добычей побрела в ближайшие кусты.

С противоположной стороны улицы усиленно, как мельница, махала руками девица. Офигеть: Ксюха!

– Машка?! По амнюхе?!

– По ней, родной, по амнистии!

Ксюха – свой, проверенный человек. Вместе прогуливали уроки. Вместе прятались по чердакам и мечтали, что в будущей жизни обязательно родятся гражданками ОАЭ. Там каждому младенцу при рождении выдаётся сберегательная книжка. А на ней 30 тысяч у. е. Ксюха по телику видела. Не хило!

Вместе шалили: при виде полицейской фуражки у обеих ёкало сердечко. Была у них забава: в темноте сдёрнуть с чужой башки меховую шапку – и дёру, фыркая, давясь и слабея на бегу от смеха. Потом Ксюха через надёжных людей ту шапку сбывала.

Дальше – больше. Приметили как-то девочку-армяночку, входящую в подъезд. Не, ну, по ходу, мать у неё совсем ку-ку: навешивать на дитё килограммы золота в такое криминогенное время?!

Они эту девочку завели в лифт – и вознеслись на последний, четырнадцатый этаж. Вывели с лестничной площадки на лоджию, перегнули через перила. Машка крепко держала пленницу, а Ксюха вынимала золотые серёжки из маленьких прозрачных, покрасневших от холода ушек, обирала золотые колечки с замёрзших пальчиков. Пригрозили: если кому пикнет, спустят с этой самой лоджии.

Потом зашли в кулинарию. Снова пруха: растяпа покупательница прямо перед ними оставила на прилавке портмоне. Подружки быстро сообразили. Схватили портмоне и с криком: «Мы знаем эту тётеньку, сейчас догоним!» – выскочили вон.

В подъезде соседнего дома подсчитали содержимое: не густо. Тут же на эти деньги перекрасились. Зашла парочка в парикмахерскую мелированными блондинками, а вышли черноволосыми, с модным баклажанным оттенком. Тут их под белы ручки и подхватили – и в машину ДПС. Продавщица в кулинарии подняла кипиш, у неё оказалась тревожная кнопка. Вот сука.

Ксюха, как малолетка, отделалась административкой – хотя именно она была зачинщицей. А Машка, которой стукнуло шестнадцать – по совокупности схлопотала полтора года.

Подружки пощебетали за жизнь. Ксюха позвала к себе в общагу: жила там со своим хахалем. Дала сухие колготки, щедро поделилась косметикой. Даже сняла с плечиков розовый жемчужный плащик с модными пышными рукавами-фонариками: «Всё равно на меня уже не лезет».

– Идём в дискотеку! Может, богатенького буратинку подцепим.

– Ну что ж ты страшная такая,
Ты такая страшная?
Ты не накрашенная страшная
И накра-шен-ная! – загнусавил из колонок блеющий тенорок. И весь громадный пёстрый зал с удовольствием пошёл дёргаться и дрыгаться. Особенно жизнерадостно дёргались и дрыгались самые хорошенькие девушки. И громче всех выкрикивали, какие они страшные: прям хоть в музее ужасов работать экспонатом.

Машка, чтобы не быть белой вороной, тоже отлепилась от стены и пошла дёргаться, но без всякого энтузиазма. Потому что эта песня была именно про неё: с её прыщавым длинным носиком, с жидкими волосами. Даже розовый жемчужный плащик и мрачная готская косметика на лице не утешали. Чёрная помада оказалась просроченной дешёвкой – на Машкиных губах загустела и потрескалась, чёрными комочками запеклась в уголках рта. Как будто объелась активированного угля. Спасибо, Ксюха, тварь такая.

Напротив Машки ниоткуда возник и задёргался, как на шарнирах, незнакомый парень: нескладный, тощий. Когда улыбался, были видны торчащие передние зубы, как у мультяшного зайца. А лицо длинное, глаза скорбно оттянуты книзу. Движения нарочито ломаные, шутовские. Но Машка отметила, что танцует он интереснее других парней.

В его движениях читалась жутковатая звериная вкрадчивость. Вертясь вокруг своей оси, подёргиваясь острыми плечами и локтями, нарезал вокруг Машки круги, сужая их. То он взбрыкивал, гарцевал, как козлик, виляя задом с воображаемым хвостиком. То изображал быка, увенчивая голову двумя ладонями-рогами. Один печальный глаз подмигнул Машке.

Круг сузился настолько, что они оказались буквально притиснутыми и, не сговариваясь, затоптались, положив руки на плечи друг другу. Как раз заиграл медленный танец. «Готичненько», – одобрил парень Машкин прикид: сведённые на переносице брови и нарисованные до висков глаза. Пальцем подправил осыпавшуюся чёрную помаду на её губах. И вкусно облизнул палец.

Потом они, прислонившись к колонне, пили из баночек энергетик, переглядывались и заливались от смеха просто так, без причины. И снова шли: или прыгать или топтаться, крепко вжимаясь животами – в зависимости от музыки. Машке стало неописуемо жарко и весело.

Ди-джей под негодующий свист и улюлюканье объявил последний танец.

– Провожу? – предложил новый знакомец. Провожать Машку было некуда, в чём она весело и беспечно призналась, перекатывая под оттопыренной щекой чупа-чупс: угостил незнакомец.

– Тогда ко мне на дачу, – он вынул из кармана и повертел на пальце бельевую верёвочку с ключами. – Тут недалеко, через железку перейти.

Машка поискала глазами Ксюху: та в другом конце зала любезничала с двумя кавалерами. Ну и фиг с ней. И они пошли пешком, потому что автобусы уже не ходили, а все деньги парень потратил на энергетики. Да ведь он и сказал, что дача недалеко.

Машка искоса поглядывала на его прикольную вихляющуюся походку. Ей нравились и походка, и безвольно болтающиеся тонкие руки, и длинный лошадиный профиль. И даже торчащие набекрень потешные зубы. И то, как он смешно и грустно скашивал на неё круглые глаза.

На железнодорожном переезде перемигивались красные фонари. Противно, пронзительно верещал сигнал. Успеют? Не успеют?

– Видишь огонёк? – показал парень на дальнюю жёлтую точку электровоза. – Это моя смерть.

И вдруг гибко и быстро, как в кровать, улёгся прямо между рельсов, вытянулся и сложил руки на груди крест на крест. Запрокинув лицо, смотрел блестящими глазами на звёзды.

Жёлтая точечка прожектора приближалась. Машка в смятении, нервно смеясь, тормошила его: «Эй, вставай, чумовой!».

– А давай вместе?!

И парень охватил её длинными руками, повалил на себя, крепко прижал. Машка трепыхалась, но хватка у парня была железная, даром, что руки тощие. Электровоз истошно ревел, несясь к ним на всех парах.

За секунды до наезда я зажал губами её крик. Она забила ногами – и обмякла, опала, покорилась, отдалась. Электровоз со страшным воем и свистом пронёсся по соседнему пути, так что у девчонки розовый блестящий плащик вздулся пузыриком. Её бы закрутило и утащило под цистерны налетевшим железным ветром! Но я крепче её ухватил, ещё больнее и жёстче прижался к чёрному сладкому рту. Рот в рот, глаза в глаза.

Рядом оглушительно, бешено, гневно стучали колёса грузового состава. Земля под нами ухала, вздымалась и опадала в такт. И не в такт стучало, колотилось в мою грудь её сердце.

Мы приходили в себя, оглушённые, ошеломлённые. Я понял, что отныне свистну ей, как собачонке – и она потрусит за мной на край света. В данном случае – на незнакомую тёмную опасную дачу.

Она продолжала неподвижно лежать на мне в своём розовом, испачканном в мазуте плащике.

– Алё, гараж! – я похлопал девчонку по холодной щеке. Она подняла встрёпанную голову. И хрипло, осевшим голосом сказала:

– Кайф. Я прямо чуть в трусы не кончила. Подождём следующего поезда?!

Не, что за дела?! Положим, мне-то было хорошо известно, что состав пройдёт по соседнему пути. Перед приближением поезда можно приложиться ухом к шпалам или к земле: они вибрируют и немножко прогибаются, как перед землетрясением. И то чуть в штаны не наложил. Но она-то этого никак не могла знать!

Я помог ей встать, одёрнул на ней плащ. Я понял, кого напоминает девчонка в своём воздушно топорщащемся, светящемся, как шарик розовой ртути, плащике. Мотылька! Отныне я знал, кто будет целовать меня в мокрую от слёз худую щёку. Галантно склонив голову, я шаркнул ножкой и торжественно сказал:

– Просю вашей руки!

Это было то самое полузаброшенное дачное общество, с которого сигнализировала вредная старушонка. Большая часть участков в нём пустовала: дачи вымирали вместе с городом. В основном общество было застроено дощатыми залатанными скворечниками, постройки середины прошлого века.

Крайний к лесу скворечник торчал на взгорке выше остановки. Я, как обычно, сдирал и клеил объявления. Пританцовывая под «Fly Project», наблюдал передвижения на участке. Там всё лето одиноко хлопотала женщина, и огород у неё был возделан как игрушечка.

Особенно она любила возиться в тепличке. Выходила из потайной маленькой железной дверки и пропадала в теплице полдня. Всё это время дверка в дом была открыта. Белень-

кая тюлевая занавеска от мух развевалась под ветром: наверно, женщина проветривала сырой домик.

На пороге она оставляла банку с водой. Изредка выходила из теплицы, отирая потное лицо косынкой, и жадно пила из банки. Она была толстая и рыхлая: наверно, у неё был диабет.

Дачница садилась на порожек, обмахиваясь косынкой. Отдохнув, исчезала в недрах домика. Выходила оттуда с лопатой или ведром, или каким-нибудь другим инструментом – и снова надолго скрывалась в жирных тёмно-зелёных джунглях теплицы.

С её стороны это было крайне неосмотрительно: оставлять дверь, хоть и заднюю, открытой. Всё же дом находился близко к лесу. Мало ли кто мог забрести. Не знаю, что испытывает кошка в предвкушении поимки беспечной мышки: приятный холодок? Нервно и восторженно пульсирующую точку в районе солнечного сплетения?

Я мог бы незаметно налить в банку прозрачной убойной жидкости. Двух-трёх глотков хватило бы, пока она разобралась с подменой. Но я знал, что серийных преступников выдаёт почерк. Выеденный кислотой провал, чёрно-красное мокрое мясо вместо лица – не слишком ли много одинаковых улик в районе одной остановки?

Главная задача: обезъязычить, зафиксировать, обездвижить жертву. Жертва, само собой, яростно сопротивляется. Если вы думаете, что эта борьба и есть самое тяжёлое – вы ошибаетесь. Для кого как, а для меня самое тягостное началось потом.

Передо мной шевелилось большое живое тело. Я в недоумении ходил вокруг, как лилипут вокруг связанного Гулливера. Я чётко усвоил одно: ЭТО нельзя выпускать живым. Но и держать долго тоже нельзя. А что с ЭТИМ делать? Зачем-то же я ЭТО поймал и связал? Надо что-то предпринимать, действовать как-то. ОНО само по себе не пропадёт, не сгинет с лица земли.

Отчего люди не исчезают бесследно и красиво, как бабочки? Отчего даже цветы, поставленные в банку с водой, уже через пару суток гниют, окрашивают воду в коричневый трупный цвет и превращаются в мерзко воняющую слизь? И лишь единственные на свете существа – бабочки – высыхают, как хрупкие листики. При этом не теряют яркого оперения, а просто осыпаются как розовая, жёлтая, голубая пыльца. Взять горстку на ладонь, дунуть…

Я подобрал запачканную в земле тяпку и блестящим остриём провёл по толстой ноге. Женщина, до этого бешено корчащаяся, как жирная гусеница, замерла. Я слегка ударил женщину по ноге, будто собирался окучивать. Женщина дёрнулась и замычала. Я прислушался к себе, к своим ощущениям: мычанье мешает мне или наоборот, возбуждает? Никак. Мне стало скучно. И я вышел посидеть на порожек, чтобы обдумать произошедшее.

Вдруг показалось, что женщина развязалась, и я пошёл взглянуть. Она продолжала лежать огромной горой в задравшемся линялом ситцевом халате. И ноги… Господи, у неё что, слоновая болезнь? Я одёрнул на ней коротенький халат. Огляделся, сорвал тюлевую шторку с двери и накинул на страшные ноги. Этого было недостаточно.

В углу лежал аккуратно сложенный квадрат чёрной ткани. У отца на даче была такая же, ею укрывали клубнику. Я весь взмок, пока туго заворачивал в него толстуху. Теперь она напоминала громадную куколку.

Кто сказал, что маньяк не парное существо? Что он обязательно бывает только одиночкой? Муж и жена, пара, супружеская чета маньяков – звучит, правда?

Ещё много значит фамилия. Фамилия должна вводить в трепет и навсегда стать именем нарицательным: как у Чикатило или Ганнибала Лектера. Будь серийный преступник гражданином Лыткиным или Пичушкиным – да кто же его вспомнит?! Это же прямое унижение и дискредитация профессии маньяка – такая фамилия.

В этом случае на помощь приходят клички. Битцевский маньяк, Доктор Смерть, Мосгаз. Охотник за младенцами, Безумный мясник, Человек-машина…

Кличка обязана быть звучной, колоритной, редкой и харизматичной, как творческий псевдоним у артиста. Хотя почему «как»? Данное действо и есть мрачный театр одного актёра, режиссёра, декоратора, сценариста-постановщика, костюмера, спонсора творческого проекта (кто скажет, что это не творчество?!)

И даже уборщика. Потому что, увы, как я уже сказал: человек не умирает красиво, становясь воздушной горсткой цветной пыльцы. Он превращается в гору долго гниющего мяса. И скажу вам со всей ответственностью: ни одно существо на свете не воняет так, как человек.

На рекламной тумбе живого места не было. А я одержимо, ожесточённо, притопывая кроссовкой под «Bingo Players», клеил и клеил листовки форматом А4. Макал в клей и безжалостно возил кистью прямо по чужим объявлениям: «Эпиляция и татуаж бровей», «Материнский капитал, обналичка», «Доставка пиццы», «Породистый кот для вязки». К чёрту, к чёрту ваших котов, пиццу, обналички и случки.

Любовно огладил ладонями последний влажный листок и отошёл, отирая руки ветошью. Вся тумба, со всех четырёх сторон смотрела на меня десятками размноженных глазастых Машкиных лиц. Вся тумба взывала, теребила, умоляла неравнодушных граждан:

«ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК!!! В последний раз видели на дискотеке в городском ДК. Ушла с неустановленным лицом… Особые приметы: розовый плащ, чёрная помада…»

Машкино скуластенькое лицо было странно серьёзно, с маленьким сжатым ртом, со строго сдвинутыми бровями. Смотрела на меня с укором: «Что ж ты со мной сделал?». Суровым взглядом подгоняла неравнодушных людей: «Ищите же меня активнее, граждане, ищите!»

Машка, Машка, почему ты меня подвела? И почему у тебя с собой не было перочинного ножика?

Женщинам на заметку: всегда носите в дамской сумочке перочинный ножик: самая нужная вещь. Вот окажись у Айседоры Дункан под рукой ножик: чирк по намотавшемуся на колесо шарфу – и, глядишь, осталась бы живой.

Или Жанна Девственница: ну что ей мешало спрятать в складках платья самодельный ножичек? В клубах дыма незаметно перерезала бы верёвку и – прыг из костра. Кто знает, возможно, ошеломлённая толпа узрела бы в чудесном спасении Божий промысел… Или ринулась бы во все стороны с воплями: «Колдунья! Ведьма!»

– И вовсе я не такая, – возмутилась Машка, тыкая в монитор пальцем и отхлёбывая энергетик. – Выбрал самую фуфельную фотку. Взял бы, где я в красном купальнике, с распущенными волосами.

Мы сидели за двумя мониторами и двигали мышками. Вернее, двигал я один: Машка выбыла из игры на шестом уровне. Она, вернее, её тело разыскивалось виртуальной полицией и волонтёрами. И теперь Машка, оказавшись не у дел, скучала, злилась и откровенно вредничала.

А чего Машке злиться: сама виновата. Зря я ей рассказал про Айседору Дункан и про перочинный ножик – непременный атрибут дамской сумочки. Машку как подменили. Только что она добросовестно и педантично вспарывала живот дачницы. Медленно – чтобы дачница полюбовалась – вытаскивала клубок дымящихся внутренностей. Дачницу никак нельзя было помещать в сушилку без этой процедуры: слишком много в ней было сырости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.